

Владимир Калашников

Чего мы не знаем о Стиви

Жить, чёрт возьми, тяжело. А писать - ещё тяжелее. Приходится переживать во второй раз то, что произошло сегодня, вчера, или много лет назад. И нет в этом ничего хорошего - снова чувствовать боль, снова дрожать всем телом в жутком ожидании... Согласится Табби на предложение руки и сердца, возьмёт ли колечко, ведь оно всего за восемь баксов. Остался ли ещё кокаин, он нужен прямо сейчас, сию секунду, а вокруг как назло валяются только пустые флакончики и нюхательные ложечки, перепачканные розовыми соплями.

Нет ничего хуже этой трясучки. Когда дрожат не только руки и ноги, не только губы и щёки, - глазные яблоки при этом закатываются куда-то далеко под веки, до ощущения немоты в глазницах, - но дрожит само сердце. Стенки, клапаны, аорта - всё мелко трясётся от ужаса и надежды, и почти что покрывается пупырышками. Вот это чувство в сердце самое страшное. Или переживать снова ту невыносимую тягу - к упаковкам пива (фак, мистер King так и остался пресловутым «Джонни Шесть Банок», хоть убей - к вечернему сериалу, «Сумеречной Зоне», или к чемпионату Малой Лиги, неторопливо поднимется из гробика, добредёт до холодильника и прихватив заветную упаковку «Миллер Лайт», устроится перед экраном в кресле-качалке... лишь бы никто не дёргал...), к ампулам с прозрачной жидкостью, к ангельскому праху в бумажном пакетике (из той бумаги, где мог бы прорасти чернильными нитями новый рассказ, если б обдолбанным мозгам не было б так лень водить рукой). Желание проглотить «валиум», или «ксанакс», да что угодно - хоть зубной эликсир, хоть сироп от кашля, хоть первые попавшиеся таблетки (жаль, что ни разу не попалось слабительное, вот это был бы кайф... случись такое, может бросил бы всю эту дрянь раньше...). К обычной побуревшей траве, завернутой в прошлогодний «Вестник Бангора», обычному бурьяну, который ценится лишь за название «дурь», тянет так, что, кажется, зубы сейчас выскочат. Травка... Чёрт поberi эту травку... И чёрт поberi этот ангельский прах...

«Стиви, - говорил мне один дилер, - Стиви, ты дурак, ты сам не понимаешь, зачем нюхаешь эту дрянь. Я-то кровавил ей ноздри чтобы спасти жизнь, для меня обычное мясо тогда было важнее». Он заканчивал, наконец, свою речь, которая в том состоянии казалась мне такой же длинной, как пустословие кандидата от консерваторов. Упёршись затылком в спинку коляски, отрывал половину своей кривой изрезанной задницы от брезентового сиденья. Я торопливо подсовывал под него руку и вытаскивал пакетик с порошком. Охранник, стоящий в пяти метрах, рядом с мусорной урной, провожал меня угрюмым взглядом. У его ботинок лежали раздавленные окурки - обычные сигареты. Даже он был не так туп, как я в те годы.

Этот дилер, Ричард Пайн, у него не было рук, не было ног, не было ушей, и не было ещё много чего. Скажите, приятно думать вот об этом? Как считаете?

Да, поток сознания уводит далеко... Куда угодно - лишь бы не погружаться вновь в то, что и вспоминать-то не хочется. Но оно, личный бесполой клоун с острыми зубами, приходит само. Да, почему-то эти вещи, отвратительные и мерзкие, вспоминаются легче всего. Раз за разом. В снах, в реальности. И единственный способ приучить себя к ним, привыкнуть, сделать бумажной обыденностью, и в то же время всего лишь многостраничной сказкой, - это пережить во всех подробностях повторно, вызывая в памяти мельчайшие детали и фиксируя их на бумаге. И лишь самую малость добавляя в них те элементы, что делают получающуюся историю... не то что бы нереальной... книжной.

Всё, не отвлекаться больше. Иначе, кто знает, куда это заведёт. Сейчас необходимо всё же таки рассказать эту историю. Именно эту. И спрятать её в банковскую ячейку, совсем как ту, где мистер Дюссандер, «упырь из Патэна», хранил компромат на себя и на Тодда Боудена. И совсем как в той повести, ячейку вскрыют только после смерти владельца, в присутствии нотариуса и литературного агента. Фанаты по всему миру обрадуются, да и издатели разочарованы не останутся, рукописей хватит на несколько лет вперёд. Там полно творений тех писателей, о

которых упоминалось в моих романах, - Джорджа Старка (тёмной половины, моей и Тада Бомонта), про стального Мэшина, Пола Шелдона, о взбалмошной девице Мизери, Мортоне Рейни. И других - всех других писателей, о жизни которых я писал, вкладывая в их судьбы отрывки своей. Разве мог я, создав себе кучу двойников, оставить их без литературного наследия? Думаю, в таком случае они собрались бы и ещё раз прикончили почившего Ричарда Бахмана, обладателя неплохой подборки. Потому я писал книги в бешеном темпе, и складывал их в сейф. Каждая вещь приняла в себя кусочек моей жизни, моей биографии, но, пожалуй, только Табби сумеет разделить вымысел и реальность. Подлинные мемуары - если можно так назвать этот бред, что я сейчас пытаюсь занести на бумагу, то и дело сбиваясь, - выпустят из печати одними из первых. Истинные мемуары, не тот суррогат, что я когда-то накропал для «Как писать книги» (ха, надеюсь она хоть кому-нибудь помогла).

Жизнь некоторых писателей представляет сплошную загадку. О них ничего не известно. Или почти ничего. Что подельывал в Европе Эдгар По целых пятнадцать лет? Как существовал Ге Фе Лавкрафт? В каком пустынном уголке загнулся Гэбриэль Бирс? А каторга Достоевского? Зачем военным нужен был эксперимент с искусственным оплодотворением, в результате коего на свет Божий появился Дин Кунц? И на плакат с какой киноактриской пялился неизвестный нам учёный, настоящий отец мистера Кунца, когда выдавливал правой рукой из себя сперму?

Жизнь прочих писателей настолько обыденна, что попросту не представляет никакого интереса, в отличие от книг. Даже от их имён веет скукой, потому они отрываются за счёт названий. Всю жизнь проведя на одном месте, они путешествуют умственно, и не всегда по одной планете.

Я - что-то среднее между этими двумя типами. Моя биография не занудна. Мне приходилось работать в такой грязи и копать в таком дерьме, что опиши я это подробно... Впрочем, мой редактор, Чак Верилл, славный парень, каждый раз вычёркивает *такие* подробности. Зато читателям обо мне известно, что я был наркоманом и последней пьянью, и чуть не умер от этого, и что туповатый мужик и его тупомордая собачонка сбили меня фургоном, и я от этого снова чуть не умер. Моё лицо и хромота подходят для фильмов ужасов, и я снялся в парочке из них, а один даже сделал собственноручно. Признаю, съёмочная площадка - не моя стихия. Кино получилось дерьмовое. Ещё я играю на ритм-гитаре в группе таких же шизанутых писателей, «Рок-Боттом-Римейндерс». Не «Металлика», конечно, но зато удовольствия на концертах я получаю больше, чем когда из колонок ревет Джеймс Алан Хэтфилд. Достаточно фактов?

Пока - да. Но после того как я сыграю в ящик, люди узнают кое-что ещё.

То, как мы с братом побоялись-таки постучаться в дверь к мистеру Дюссандеру. И правильно, что не сделали этого. Ему ничего не стоило нас прикончить. Да, мне очень хотелось послушать истории, «про всю эту чернуху», а Дэвиду хотелось денег, он порядком поиздержался, приобретя старый дактилоскоп. Но страх был сильнее всех наших желаний, как обычно и бывает. А запастись компроматом в банковской ячейке... Ха!.. Нам просто не хватило денег на это. Да и мисс «Я-Сижу-За-Стойкой-В-Банке-И-Зачем-Вы-Пришли-Сюда» воззрилась на нас поверх очков так, что мы поняли - попытаться снова зайти в банк можно будет только после того, как нам исполнится... ну, хотя бы, шестнадцать.

То, что мне довелось видеть во всех этих чёртовых маленьких городках. В скольких из них я побывал... Сколько быдла я видел в этих Форт Уэйнах, Стратфордах, Молденах, Пауналах, Дархэмах, Хэмпденах. Эти треклятые маленькие американские города... Десятки одинаковых названий, сотни ничем не отличающихся картинок. Порой таких пасторальных. Ха...

Церковь, суд, ратуша, здание шерифа, мотель, закусочная и бензоколонка. Что ещё нужно, чтобы грязную дыру назвать громким словечком «город»? Жители, хотя бы несколько. Несколько человек, или несколько десятков человек, или сотен. И даже если их целая тысяча - всё равно все знают друг друга. Точнее, враг врага. И каждый в глубине души мечтает поджечь соседа.

Они все горят одинаково - дома зажиточных семей, трейлеры бедноты, такие обшарпанные, что можно подумать, будто их поставили на прикол не менее полувека назад. Может, языки

пламени вздымаются на разную высоту, и жесть трещит не так, как горящее дерево, всё больше сворачивается от жара, скрипит, визжит, как те, кому не повезло выбраться наружу... Но результат пожарищ всегда равен! Занятые полки в отделении судмедэкспертизы округа, на них лежат коричневые, потрескавшиеся существа, в безумии умирания они спутали жар огня с жаром материнской утробы и свернулись подобно эмбрионам.

Хоть немного приподнявшиеся над грязью, чудом вырвавшиеся из беспросветной нищеты в нищету обычную, или получившие немного власти (и не важно над чем, хоть над вытоптанном цветником, хоть над скамейкой перед домом, а то и над целой станцией автообслуживания! фак... просто фак... слов нет), жители этих городков начинают считать себя центром мира. И не понимают, что это лишь жалкий маленький мирок, и что они остались теми же ничтожествами, и останутся ими, даже если случится ещё одно чудо, и кресло в овальном кабинете прогнётся под их задницей. И что этот их мирок больше никому не нужен (даже если это овальный кабинет).

Разве им стоит чего-то облить одноклассницу на выпускном бале бидоном крови? Или в душевой забросать девчоночьими «затычками»? Или раздраконить машину? Забить цепного пса тяжёлыми каблуками? Но это всё мелочи. Бросать камни из проезжающих машин в окна старой больной женщины, в качестве предупреждения, чтобы поскорее отсюда убралась. В супермаркете целой толпой принести в жертву добренькому методистскому богу маленького мальчика. Или на городском собрании проголосовать за то, чтобы отдать другого маленького мальчика убийце на воспитание. Я видывал вещи хуже, *ещё хуже*, - те, что вытворяли жители таких вот маленьких городков.

В больших городах всё иначе. Оставим в стороне заброшенный Детройт и утонувший Новый Орлеан. Они уже не в счёт. Для тех кто не интересуется историей, и даже не смотрит шоу по национальным каналам, объясню. В первом толпы ниггеров разгромили всё, что можно было разгромить, белым мистерам это не понравилось, и они собрались и уехали. Буяны вдруг обнаружили, что никто не намерен приводить улицы в порядок, и что оставшиеся в городе предоставлены сами себе. Да, это было лучшим вариантом для всех. Люди другого из двух откинутых нами заперлись от наводнения в стадионе, построенном правительством в качестве лагеря для беженцев, на случай войны с Советами. Несколько десятков умерло от жажды. Эти хмыри точно не читали книги мистера Стивена Эдвина Кинга, ни одной из его книг, иначе сумели бы напиться из той огромной лужи, что плескалась за циклопическими стенами, и даже достали бы по здоровому кусу мяса - угадайте, откуда?

В мегаполисах вроде Города Ангелов или Сан-Франциско можно ненавидеть толпу, целую толпу. Но эта ненависть не задерживается ни на ком определённом. Толпа меняется, она течёт между домов, подобно фекалиям, выплеснувшимся из канализационного люка. Она вбирает в себя новые элементы и выплёвывает прежние, впрочем, ненадолго - до утра, или до сумерек. У неё отвратительное свойство: вбирать в себя почти всех. Те, кто сопротивляются ей, те, кого она не может поглотить, ненавидят её архетип. Но не отдельных людей. Это - удел маленьких городков. Касл-Рок, Дерри, Литтл-Толл-Айленд...

Здесь все знают всех, в лицо. И туда же плюют. Здесь ненависть растёт вместе с человеком, накапливается с младенчества. Ведь обидевший не спускается в метро с толпой, он продолжает жить тут, на соседней улице или в соседнем доме. Здесь каждый ненавидит других. А я ненавижу их всех за этот их гной в душах, за измененность чувств, если можно этим словом называть то дерьмо, которое плещется в их убогих сердцах.

Обиды накапливаются. И иногда их становится так много, что плотина из отчуждения и безразличия трескается. Тогда какой-нибудь клерк заявляется в контору с винчестером, а двое подростков проносят в школу «Узи» и устраивают что-то вроде массовой казни, а прежде чем застрелиться, оставляют «сюрпризы» спецназу - минируют трупы. А потом с телеэкранов говорят - мистер Кинг виноват! Он написал книги «Дорожные работы» и «Ярость». Он спровоцировал преступления!

Я не знаю, что произошло в колорадской средней школе. И никто не знает - полиция скрыла факты от общественности. Но я чувствую, что случилось там на самом деле. Двое подростков из Колумбины, Эрик Харрис и Дилан Клеболд, они просто решили отомстить. Об этом говорят и те крохи информации, что просыпались между пальцами федеральных маршалов. Бедные Эрик и Дилан, их дамба треснула от основания до гребня. Что им пришлось вытерпеть, чтобы потом так отомстить? На ум приходит только, как на протяжении многих лет, с начальных классов, их насиловали и те, кто сидел рядом, за партами, и те, кто стоял у доски, с указкой. Всякое может быть... Люди способны на любые мерзости.

Чего я только не придумывал в ненависти к человеческой массе. «Проект Стрела», срань-хорьки, обычные мобильники, пришедшие в город вампиры... Многократно в своих книгах я опустошал эти маленькие дрянные людские гнёзда, а иногда и весь остальной мир заодно.

Я окружил себя достойными людьми. Жаль, они были тоже выдуманы. Баннерман, Майк Андерсон, Алан Пэнгборн. Некоторые из них умирали - потому что хорошие люди тоже умирают и, к сожалению, чаще, чем плохие. Но если мои герои и уходили из жизни, то уходили достойно.

Опять словесная река увлекла мою лодочку чёрт знает куда. Вернёмся к тому, что я должен рассказать (хоть я это и рассказывал уже, в одной маленькой вещице, даже не помню, как писал её, зато в памяти хорошо отпечаталось, что тогда я принял «валиум» и запил флакончиком «скоупа». Мятное дыхание, дьявол его побери...).

Начнём с травки.

Мать не захотела её курить. И причиной этого было то мещанское скудоумие, что заставляло её ходить в церковь по воскресеньям и взирать с благоговением на кресты всевозможных мастей. И чем крест был ближе к натуральной величине, чем достовернее были изображены муки 33-ёх летнего мужчины на нём, тем больше было её благоговение. Нет, травка не для неё, пускай её курят те счастливые от осознания собственной свободы (в основном, о родителей), волосатые парни в разноцветных лохмотьях, слоняющиеся вокруг кампуса при свете луны. Нелли Рут Пилсберри Кинг будет стоически переносить приступы, сводимыми челюстями она будет зажёвывать фильтры обычных сигарет - лишь поглядев на следы от зубов на окурках, мы с братом поняли, что она испытывает. У нас ведь в семье испокон веку принято справляться со своими проблемами в одиночку.

Тому, что могло бы усмирять боль, мать предпочла химические препараты. Конечно, ведь не может в такой официальной ампуле, за этикеткой с такими медицинскими названиями, находиться тяжёлый наркотик?

Если он одобрен государством к употреблению больными с онкологией - может.

Только вот выписывали обезболивающие неохотно, и их никогда не хватало. «Пациент не должен приобрести привычку...» Они не хотели понимать, что мать просто не успеет привыкнуть. А может при взгляде на меня у этих чиновников возникало подозрение, что ампулы не доходят до больной? Скорее всего, они так и считали. Но тогда мои вены были чисты (впрочем, если бы мать заболела позже на несколько лет, чинуши не ошиблись бы). Хоть я и был в то время пропойцей и нариком, опуститься до того, чтобы воровать лекарства умирающей матери было слишком даже для меня. По мелочам - придти в стельку пьяным к постели отходящей, и потом, на поминальную службу - да, но не такое...

Она очень тяжело болела. И очень страдала. Кровотечения, из «женских» мест, то усиливались, то почти проходили. Не знаю, выдержал бы мистер Кинг, если бы вдруг у него из члена стала капать кровь. Но с женщинами такое случается каждый месяц. Вид крови из *того* места был матери привычен. Про боли этого же сказать было нельзя.

И хорошо ещё, что мать не мучила нас, как обычно мучают своих родственников тяжело больные или умирающие люди. Я слышал о таких эпизодах... Вспомнить хотя бы то, что рассказывала мать, чтобы повеселить нас с Дэвидом, когда мы ещё были маленькими.

Свекровь Джоанны, её старой подруги откуда-то с острова у побережья штата Мэн, Кора Стенхоуп, леди восьмидесяти лет, страдала психическим заболеванием. А может, притворялась?

Чтобы помучить Джоанну, которую если и можно было невзлюбить, так только за бесконечное терпение.

Представьте себе такую картинку. Кадр, если хотите, - быть может, вы больше привыкли к фильмам.

Джоанна держит старую Кору над толчком, таким же старым, таким же пожелтевшим от времени толчком. И повторяет, снова и снова повторяет: «Э-э, э-э». Джоанне почти сорок, у неё до сих пор нет детей, нет и никакого шанса на их появление - ведь в жизни Джонаса, её мужа, есть только мать. И всё. Жена попала в дом случайно, так случайно, что никто, пожалуй, не сможет сейчас вспомнить, как это произошло. У Джоанны нет детей, но на сороковом году жизни она наконец-то узнала эти волшебные слова, что нужно повторять маленькому ребёнку, когда «кака» не лезет из попки. Эти слова, они являются архетипом, они общие для всего человечества, интонации, с которыми их произносят, тоже сходны. Зачем нужен эсперанто, когда можно общаться на языке «э-э» и «пи-пи»? Но Кора будто с другой планеты, волшебные слова не действуют на неё. И будто инопланетянин, пытающийся вступить в контакт, старая леди тоже начинает повторять «Э-э, э-э». «Ну ты дуйся, Кора, дуйся!» говорит Джоанна, мягко потряхивая свекровь над толчком, словно надеясь что-то вытрясти в зев желтоватых керамических челюстей. «Э-э, э-э!» «Я не умею, я не умею», говорит Кора. «Я забыла, как».

Общий язык не найден. Уставшая Джоанна опускает свекровь в кресло, и та с недовольным видом начинает прихорашиваться - поправлять платье, волосы. Старая жеманница... Джоанна хмуро смотрит на неё и уходит.

Она оставляет дом совсем ненадолго, чтобы съездить в лавку Майка и Хэтча за свиными отбивными. Но за эти полчаса дома Кора успевает приготовить ей сюрприз.

Старая леди вымазала дерьмом кухню, столовую, все три спальни. Вонючая коричневая жижа размазана по мебели, втёрта в плетёные кресла. На обоях следы ладошек и коричневые полосы. Только поклеили после прошлого раза... Единственное чистое и не вонючее место во всём доме это чердак. И Джоанна понимает, что сегодня будет ночевать там. Но ляжет поздно - пока экскременты свежие, их проще отмывать. Но прежде всего нужно отмыть саму старуху, сменить ей штаны, - Кора будет отпускать ядовитые замечания и всячески пытаться вывести её из себя, - постирать платье и кофту.

В долбаной старухе пропали задатки массажистки, думает Джоанна в какой-то момент. Наверное, в тот, когда выливает уже шестое корыто с грязной водой. И почему проклятая Кора Стенхоуп шесть десятков лет назад не сбегала на Гавайи? Надо было ей выскочить замуж за болвана-фермера и выродить на свет Божий туповатого Джонаса...

По дому бродит Джонас, ему не спится в одиночестве. Иногда он поднимается по лестнице к двери на чердак и стоит перед ней. Джоанна тоже не спит, вслушивается в скрип половиц. И вспоминает, как в детстве играла с сёстрами под крышей, воображая, что они похищенные принцессы, запертые на вершине башни. Жаль, она не может запереться здесь на ближайшие годы, до самой смерти Кору.

Джоанна лежит с открытыми глазами, глядя в воняющую темноту, и знает, что такое, как сегодня, произойдёт ещё. Много-много раз.

Хуже всего было, когда ко дню Благодарения она вычистила весь дом до блеска, и уехала за пролив на благотворительную ярмарку. Через час муж позвонил в мэрию Мачиаса и достал своим занудствованием секретаршу так, что та вызвала её по громкой связи. «Пока ты там разливаешь лимонад, мама опять нахулиганила», сказал Джонас, едва жена приложилась ухом к трубке. «Я не могу сейчас приехать, убери ты», проговорила Джоанна. «Не умею», просто сказал муж. Да, эта фраза в роду Стенхоупов передаётся по наследству.

Паром привёз Джоанну на остров два дня спустя. Дом встретил женщина заскорлузлыми коричневыми стенами, застоявшейся вонью. Выстиранные к празднику шторы и занавески, накидки на кресла и диваны, вычищенные ковры - всё было загажено. Больше не было того прелестного чистого дома, в котором она хотела встретить праздник. По грязным комнатам

потерянно бродил Джоанас, и сам уже успел измазаться. Кора сидела в своём кресле, как всегда величественная, что твоя королева-мать.

Уже засыпая, Джоанна понимает, что ошиблась. Старушечьим дерьмом воняет и здесь. Едкое оно какое-то, у пожилых людей, просачивается всюду. Спасения нет...

Это повторялось до тех пор, пока вредная старуха не утопилась в умывальнике во время бурана, в убежище, где собрались люди со всего острова.

Сколько штанов Джоанна выкинула, смеялась мать. И мы покатывались со смеху, представляя тележку, с горкой наполненную грязными старушечьими штанами. Чёртова уйма штанов!..

Рано утром Дэйв сказал мне, что мама умирает. Я только вернулся с большой попойки и собирался завалиться спать. Хорошо, брат успел раньше - разбудить меня не смогли бы даже Советы, своей атомной бомбой.

Голова у меня просто трещала и, зайдя в комнату матери, я проглотил горсть каких-то таблеток, со столика с её лекарствами. Потом сел рядом с кроватью и взял маму за руку. Мы сидели довольно долго, Дэйв подносил к её губам сигарету, стряхивал растущий на конце пепел в пустую коробку из под ампул.

Мы сидим и ждём. Ждём, когда она умрёт. Когда это произойдёт? Ближе к полудню? Или когда начнёт смеркаться? Нам в любом случае нужно дождаться, ведь уйти от постели умирающей матери сможет только последний ублюдок. Хотя я ушёл бы. Слишком уж тяжело это - тягучее тупое ожидание.

- Дэвид, принеси мне холодное полотенце... - проговорила мама. Мне показалось, что у неё не хватило сил сомкнуть губы на последнем слове.

Когда брат вышел, вновь зазвучал её голос, и это было так неожиданно, что я вздрогнул. О-о-о, это был другой голос, уже не голос больной. Быстрый шёпот, напряжённый, свистящий. Таким она, я думаю, говорила бы мне, что видит через глазок входной двери констеблей, подразумевая, что я должен поторопиться смыть «все эти плохие порошки» в унитаз. Но точно я не могу знать - поскольку подобного никогда не происходило.

Что она сказала... Что, чёрт возьми, она принялась говорить...

- Стиви, мальчик, ты знаешь, я всегда любила тебя больше, я всегда старалась для тебя. Ты тоже меня радовал, - она кивнула в сторону потрёпанной рукописи «Кэрри», лежавшей под лекарствами на журнальном столике, - эти листы облегчали мне боль. И не потому, что книга так хороша, а потому что её написал мой сын, и потому что её уже печатают! Ты можешь писать лучше, помни это!

- Да, мама!.. - ответил я тем же шёпотом, почти машинально. Ведь ещё не успел осознать всего, что она так быстро говорила, да и алкоголь, не выветрившийся из башки, отнюдь этому не способствовал. Я смотрел на неё, и в то же время - сквозь неё... Никак не получалось сосредоточиться и свести глаза в одну точку. «Скрудрайвер» - как масло под ножками глазных яблок.

- Наклонись ко мне... Я не хочу, чтобы Дэвид услышал, если войдёт...

Я двинулся к ней, но сразу же отшатнулся - вспомнил о перегаре, что пёр из меня при каждом выдохе.

- Ближе...

Я наклонился, плотно сжав губы и стараясь не дышать.

- Мальчик мой, ты брезгуешь? - растянуто спросила она.

- Ну что ты, мама, - проговорил я, выпуская на неё весь скопившийся перегарный дух.

- О, Господи...

- Прости, мама...

- Ничего... Вот уж не думала, что снова когда-нибудь попробую «Джека Дэниэлса»...

Она ошибалась, это был не «Джек Дэниэлс», это было самое дешёвое и дрянное пойло. Тогда всё ещё приходилось экономить.

- Дэвид ошибся, я ещё не собираюсь умирать...

Я резко дёрнул головой, от этого в глазах всё поплыло.

- Это же хорошо, мама, - пробормотал я, с трудом ворочая разбухший от смеси водки и апельсинового сока язык. Значит, сегодня ожидание не закончится?

- Нет, это плохо. Это очередной приступ, самый долгий, самый сильный. Но - не последний. Я чувствую - я ещё смогу жить. Некоторое время.

- Это же хорошо... - тупо повторил я, глядя в ту область пространства, где находилось её лицо, но видя не его, а лишь бесформенные жёлтые плоскости, переплетённые и сшитые кое-как сетью морщин.

- Я не хочу больше мучиться. И не хочу мучить вас. Я слишком люблю для этого, вас обоих. Бессмысленно растягивать существование. Помогите мне...

- Не говори так, сейчас придёт Дэвид...

Но она так же как и я знает, что Дэйв не торопится возвращаться к дежурству у полуживого тела. Он хочет дольше растянуть эту паузу, это спокойствие, - почти счастье. Он вырвался из траура на кухню, к холодильнику и льду. Он вырвался в ванну, где на никелированной палке у стены висят полотенца. Да эти места просто Диснейленд по сравнению с комнатой, где лежит живая мумия, которую из сыновнего долга приходится держать за руку.

- У нас ещё есть время, чтобы поговорить... Ты должен помочь мне. Ты ведь и сам понимаешь, что так нужно. Скажи - «да».

- Да, - это было действительно так. Я всё понимаю. Ожидание смерти близкого человека хуже самой смерти. Когда знаешь, что он всё равно умрёт, и что другой судьбы не будет, когда находишься в предчувствии этой смерти, а она никак не наступает, то всё происходящее поневоле начинает отягощать. Будто тяжёлый сон, из которого никак не вырвешься... Проще умереть самому, чем ждать, когда умрёт близкий.

Я совершенно не к месту вспоминаю её старые истории про Кору и Джоанну, и меня начинает разбирать смех. Стыдно смеяться у постели больной матери, когда она ещё говорит такие вещи. Я опукаю голову, чтобы спрятать невольно прорезающуюся улыбку.

- Ради Бога, что с тобой такое, Стиви?

- Мама, - захлёбываюсь я со смеху. - Я подумал про грязные штаны миссис Кора Стенхоуп.

- Я только сейчас вспомнила, Джоанна рассказывала, что Кора измазала дерьмом даже рождественскую индейку. Так Джоанна обмыла её и скормила мужу и свекрови...

Мы смеёмся вместе и, закончив, недолго смотрим друг на друга с улыбкой. А потом мама говорит:

- Не стоит тянуть. Делай то, что должен.

Я прячу шприц в карман. Об опустошённых ампулах можно не беспокоиться, затеряются среди прочих.

Входит брат. Мы садимся по обе стороны от матери и берём её за руки. Теперь она действительно отходит.

Я чувствую, как по ноге, от паха, течёт что-то тёплое. Странно... Да, мой мочевой пузырь наполняется скорее, чем я успеваю его опустошать, всему виной это чёртово пойло. Но я ещё контролирую свой конец. Да и в уборную выходил пару раз, все запасы жидкости внутри должны подойти к концу... Вот они и подошли, злобно думаю я.

Мать в последний раз втягивает воздух, после достаточно долгого перерыва. Вдох резкий, и кажется мне нервным всхлипом. Я прислушиваюсь к себе, к своему телу. Нет, в низу живота по-прежнему чувствуется тяжесть, и довольно неприятная. Знакомое ощущение, скоро начнутся резкие удары мочи в пах. Но это - позже. Сейчас мой кран завёрнут на все обороты. Так откуда же взялась эта горячая жидкость? В какой-то момент мелькает мысль, а что, если это Господь Бог из

нашей конгрегационной церкви на Методист-корнер-стрит, наказал меня за то, что я пришёл к смертному одру нализовавшимся, ухахатывался в такой траурный день и в качестве апофеоза убил мать? За всё это лишил меня... Нда-а-а, чего только пьяному методисту не подумается...

Сердце матери замирает, а я медленно двигаю свободную руку к ширинке. И чуть не вскрикиваю от боли. Крик удаётся удержать, вместо него вырывается плач. Дэвид не обращает внимания, он приложился лбом к скрюченным пальцам мамы. Я вогнал иголку ещё глубже во внутреннюю часть бедра. И только теперь почувствовал боль. Мне опять становится смешно. Но я сдерживаюсь. Кровь течёт по голени, напитывает носок. Попадёт на пол - ничего, если не удастся незаметно вытереть, можно будет списать на следы от маминых кровотечений. Не хочется пачкать стул... На всякий случай я сдвигаюсь на краешек сиденья. Удивительно, я пьян, но даже могу как-то мыслить. Это потом я напишу целые книги в стельку пьяным, не смогу связно и двух слов произнести, но буду писать и писать. Так и появится «Куджо»... А сейчас...

Я выжидаю момент, когда можно будет уйти. Уйти так, чтобы Дэвид не увидел тяжёлой от крови штанины.

Когда брат поднимается и склоняется над матерью чтобы прикрыть веки, я вскакиваю и быстро иду в ванну. Запираюсь. Расстёгиваю брюки и хочу их снять, забыв, что игла по прежнему в теле. Чувство тянущейся плоти - отвратительно. Я осторожно засовываю руку в карман, обхватываю стеклянный цилиндр и вытаскиваю наружу. А потом скидываю штаны.

Набираю ладонями воду из-под крана и, поставив ногу на край ванны, смываю кровь. Почти в такой же позе подмываются девчонки. В седьмом классе я подглядывал за Кэрри Уайт, и... Чёрт возьми, мать умерла, а я думаю непонятно о чём...

Мне опять весело - вспоминается и Кора Стенхоуп, и то, как я напоролся на иглу. Сводимые от смеха мышцы живота сдавливают вместилище жидкости, которую я заливал в себя весь день. Я едва успеваю повернуться к унитазу.

В комнате лежит труп матери, а я пьян и чертовски счастлив, что Дэвид не увидел кровь, и что мой мочевого пузырь не лопнул...

Вот и всё. Короткая история... А чего вы, собственно, ожидали?